

УДК 1(091)

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-4-107-116

И. А. ИЛЬИН И Г. В. Ф. ГЕГЕЛЬ: НАРОДНЫЙ ДУХ И УСТОИ ГОСУДАРСТВА

Малинин С. А.¹, Губман Б. Л.²

¹Российский государственный социальный университет
129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1, Российская Федерация

²Тверской государственный университет
170100, Тверская обл., г. Тверь, ул. Желябова, д. 33, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть оценку И. А. Ильиным подхода к проблеме взаимосвязи народного духа и устоев государственности, предложенного философией Г. В. Ф. Гегеля.

Процедура и методы. Проведён сравнительный анализ текстов И. А. Ильина и Г. В. Ф. Гегеля, релевантных теме исследования. В ходе работы были использованы методология герменевтики и лингво-семиотического подхода, совокупность методов историко-философского исследования, а также корпус общенаучных методов.

Результаты. В ходе осуществлённого исследования была выявлена специфика критической оценки И. А. Ильиным гегелевского понимания взаимосвязи народного духа и основ государственности. Рассмотрены особенности видения Ильиным этого тематического поля в российский и эмигрантский периоды деятельности. В российский период творчества И. А. Ильин пришёл к убеждению о несовпадении гегелевского истолкования народного духа с реальностью «конкретной нравственности» и о неправомерности утверждения о необходимой обусловленности им оснований государственности. В этом его ещё более убедило разложение народной нравственности под влиянием большевизма. Находясь в эмиграции, И. А. Ильин выявляет новые ракурсы полемики с гегелевским взглядом на этот сюжет при рассмотрении взаимосвязи Абсолюта и человеческого творчества, возможности насильственного подавления политического зла, трагедии постренессансной гуманистической культуры, явленной в рождении «человека массы», в кризисе парламентской демократии и в феномене тоталитаризма. Этот спор с Г. В. Ф. Гегелем продолжился, как показано в работе, и при обосновании Ильиным проекта новой солидаристско-корпоративной постбольшевистской государственности в России, осуществление которой он связывал с диктатурой «аристократии духа», которая призвана возродить в народных массах угасшее религиозное начало, приверженность ценностям национальной культуры и патриотизм.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выводы исследования найдут своё применение в преподавании истории русской философии, политологии, культурологии и других университетских курсов.

Ключевые слова: Г. В. Ф. Гегель, И. А. Ильин, неогегельянство, народный дух, государство, нравственность, политика, ценности национальной культуры, патриотизм

I. A. ILYIN AND G. W. F. HEGEL: THE NATIONAL SPIRIT AND THE FOUNDATIONS OF THE STATE

S. Malinin¹, B. Gubman²

¹Russian State Social University
ul. Vilgelma Pika 4 str. 1., Moscow 129226, Russian Federation

²Tver State University, Tver
ul. Zhelyabova 33, Tver 170100, Russian Federation

Abstract

Aim. To examine I. A. Ilyin's assessment of the approach to the problem of the interrelation of the national spirit and the foundations of statehood proposed in G. W. F. Hegel's philosophy.

Methodology. A comparative analysis of the texts of I. A. Ilyin and G. W. F. Hegel relevant to the research topic is carried out. In the course of the study, the methodology of hermeneutics and the linguistic-semiotic approach, a set of methods of history of philosophy research, as well as a corpus of general scientific methods were applied.

Results. In the course of the research, the specificity of I. A. Ilyin's critical assessment of the Hegelian understanding of the relationship between the national spirit and the foundations of statehood was revealed. The main features of Ilyin's vision of this thematic field in the Russian and emigrant periods of his activity are considered. In the Russian period of his academic activity, Ilyin came to the conviction that the Hegelian interpretation of the national spirit did not coincide with the reality of "concrete morality" and that the assertion of the necessary conditionality of the foundations of statehood on its basis was illegitimate. He became even more convinced of this by the disintegration of popular morality under the influence of Bolshevism. While in exile, Ilyin reveals new perspectives of the polemic with the Hegelian view of this subject when considering the relationship between the Absolute and human creativity, the possibility of violent suppression of political evil, the tragedy of post-Renaissance humanistic culture manifested in the birth of the "mass man", in the crisis of parliamentary democracy and the rise of totalitarianism. The work shows that Ilyin continued this dispute with G. W. F. Hegel while giving grounds to the project of new solidarity-corporate post-Bolshevik statehood in Russia. He connected its realization with the "aristocracy of spirit" dictatorship which was aimed at reviving the fading religious basis in people, their commitment to the national culture values and patriotism.

Research implications. The conclusions of the article will find their application in teaching the history of Russian philosophy, political science, cultural studies and other university courses.

Keywords: G. W. F. Hegel, I. A. Ilyin, neo-Hegelianism, national spirit, state, morality, politics, values of national culture, patriotism

Введение

В центре внимания И. А. Ильина всегда находилась проблематика философии права и политики. Начиная с раннего этапа формирования его философских воззрений, в годы обучения и подготовки диссертационного труда в Московском университете в период, предшествующий его вынужденной эмиграции, его внимание было приковано к наследию представителей немецкой классической философии, и, прежде всего, Г. В. Ф. Гегеля. Именно в процессе критического изучения гегелевского наследия складывается собственный вариант мировидения Ильина, сопряжённый с отвержением пантеизма, панлогизма и системного теоретизирования немецкого мыслителя, который поставил под вопрос и общую схематику его понимания конституирования общественной реальности, государственно-правовой сферы в её статике и историческом измерении. Радикальная критика учения Г. В. Ф. Гегеля И. А. Ильиным отнюдь не означала отказа

от гегелевского стиля спекулятивно-умозрительного теоретизирования, ибо русский автор навсегда остался поклонником его видения реальности в целостной, синтетической перспективе, позволяющей узреть её духовные основания, связь с Абсолютом, не притязая на окончательное системное завершение этого процесса в потоке времени истории. Подобно Б. Кроче, с сочинениями которого И. А. Ильин был хорошо знаком, он рассматривал философское мышление как постоянно вершащийся рефлексивный процесс постижения исторических реалий. Такого рода подход не мог не затронуть проблемы корреляции состояния народного духа и юридически-государственной сферы, предложенной Г. В. Ф. Гегелем в формате субстанциального теоретизирования относительно общества и его развития во времени истории.

Большевистская революция и последующая вынужденная эмиграция, продолжившаяся до конца жизни И. А. Ильина,

придали особую остроту его размышлениям о взаимосвязи народного духа как выразителя нравственного состояния общества и государственности. Гегелевская вера в неуклонный прогресс нравственности на пути к свободе, порождающий изменения в государственно-правовой сфере, была опровергнута, в представлении И. А. Ильина, самими событиями русской истории. Находясь в эмиграции и трансформируя свои философско-политические пристрастия от либерально-консервативного синтеза к консервативно-солидаристской платформе, И. А. Ильин, по сути, осуществляет полемический диалог с гегелевским пониманием взаимосвязи народного духа и устоев государства. Попытаемся рассмотреть основные моменты, характерные для его понимания этой проблемы в период пребывания на Родине и на протяжении последующего этапа вынужденной эмиграции в Германии и Швейцарии.

Российский период творчества Ильина: оценка гегелевской трактовки взаимосвязи народного духа и государства

Рассматривая вопрос о взаимосвязи народного духа и оснований государственности в доэмигрантский период своей деятельности, И. А. Ильин осуществляет их анализ в контексте целостности мировоззренческой доктрины Г. В. Ф. Гегеля. В диссертационном исследовании «Учение Гегеля о конкретности Бога и человека», которое принесло ему докторскую степень, он интерпретирует государственно-правовые воззрения немецкого мыслителя как интегральную часть его общемировоззренческих взглядов [17, с. 148]. Поэтому проникновение в способ мысли Г. В. Ф. Гегеля, его спекулятивно-теоретическое видение мира, является своеобразной преамбулой размышлений русского автора о достоинстве и лимитах трактовки немецким мыслителем взаимосвязи народного духа как нравственного основания государственно-правовой сферы. Опираясь на идеи В. Дильтея и Э. Гуссерля, освоенные им с достаточной

глубиной, И. А. Ильин говорит о важности проникновения в «философский акт» Г. В. Ф. Гегеля, его способ философской рефлексии [15, с. 17]. Замечая, что гегелевская доктрина отнюдь не во всём может быть принята в плане своего теологического и философского звучания, И. А. Ильин приглашает своих читателей философствовать «вместе с Гегелем» [8, с. 49]. Для него Г. В. Ф. Гегель велик именно благодаря его способностям к целостному философско-спекулятивному охвату мира, к видению в синтетическом единстве абстрактного и конкретного. Он выявляет духовную сущность феноменально-данного, абстрактно-единичного через его сопричастность постигаемому духовным взором Абсолюта как конкретно-всеобщему основанию мира.

Основой критики И. А. Ильиным гегелевского учения является неприятие им в теологическом плане пантеизма и доктрины страдающего Бога, а в теоретико-философском ракурсе – панлогизма и жёсткого системного мировидения, позволяющего заключить всё многообразие реальности в финализированную целостность категориальных определений [15, с. 477]. И. А. Ильин не соглашается, прежде всего, с пантеистическим посылом гегелевской доктрины, её отождествлением Абсолюта и мира. Пантеизм, как справедливо представляется ему, в учении Г. В. Ф. Гегеля логически ведёт к доктрине страдающего Бога. Допустив возможность случайности и девиацию свободного волеизъявления человека по линии отклонения от реализации благого начала и продуцирования зла, Г. В. Ф. Гегель обрекает Бога, тождественного миру, на страдание, что несовместимо с его абсолютным всемогуществом. Неприемлема для И. А. Ильина и панлогистская платформа, которая предполагает заключение мира в жёсткие рамки диалектико-логической системы, т. к. если допустить вместе с Г. В. Ф. Гегелем возможность проявления в нём непредвиденной случайности и свободного волеизъявления, то этим наносится удар по самой основе палогистского теоретизирования, задаче конструкции ригидной и замкнутой

системы логико-категориального определения изменчивого в своих проявлениях и непредсказуемого многообразного бытия.

Поскольку сам способ гегелевского конструирования реальности в форме замкнутой системы не устраивает И. А. Ильина, его критика воззрений немецкого теоретика логически распространяется и на видение им общественной жизни, взаимосвязи в её контексте народного духа и государственного начала. Для Г. В. Ф. Гегеля, как известно, созидание ткани общественной жизни является результатом присутствия в ней абсолютного начала, которое постоянно устремлено к саморазвёртыванию и завоеванию всё большей степени свободы. Г. В. Ф. Гегель полагал, что Абсолют находит воплощение в конкретике народного духа как нравственного основания общественной жизни и истории, которое обладает измерением свободы [4, с. 371]. Конкретный человек той или иной эпохи рисуется ему единством телесного и душевно-духовного начал, вырастающим на почве народного духа и черпающим из него возможности взращивания личностных добродетелей. Государство же является всецело производным от народного духа, в сфере которого складываются его предпосылочные основания в виде наличных форм семьи и гражданского общества, над которыми оно возвышается как «шествие Бога в мире» [3, с. 283–284]. Г. В. Ф. Гегель в контексте собственного варианта истолкования логики саморазвёртывания Абсолюта в истории полагал, что его прогресс сопряжён с ростом свободы, реализующимся поступательно в различных вариантах народного духа [2, с. 45]. И. А. Ильин не склонен принимать гегелевский субстанциализм необходимого победного шествия Абсолюта на пути к свободе на ниве всемирной истории. Не устраивает он его не только теоретически как продолжение панлогистского способа мысли, но и с точки зрения практической апологии наличных форм народного духа и государственности. «В таком понимании государства, – резонно замечает И. А. Ильин, – заложены глубокие трудности, которые имеют обнаружить

кризис теодицеи, созданной Гегелем» [14, с. 72]. Из подобной логической конструкции вытекает оправдание любого фактически имеющегося состояния народного духа и государственности как разумных и необходимых, с чем И. А. Ильин решительно и с должным основанием не соглашается.

Ещё находясь на стадии критической аналитики целостности гегелевской системы и поиска собственного варианта консервативно-либерального политико-правового синтеза, И. А. Ильин возражает Г. В. Ф. Гегелю относительно необходимости строгого соответствия оснований государственности сложившемуся состоянию народного духа и имманентной ему степени свободы. Он не верит в жёстко программируемую логику истории и соответствующую ей неуклонно возрастающую степень человеческой свободы. Присутствие божественного начала в истории не устраняет её трагедийности, ибо ею окрашено противостояние человеческих разнонаправленных свободных порывов, конфликтное столкновение непримиримых интересов. Это и есть поле того, что И. А. Ильин именуется «конкретной нравственностью», которая совсем не похожа на гегелевский образ этого феномена [15, с. 270]. Уже в основном труде, посвящённом гегелевскому наследию, И. А. Ильин утверждает тщетность поиска субстанции народного духа, нивелирующей человеческую реальную и от того драматическую и трагедийную свободу в истории. При этом он отнюдь не отрицает существования культурного единства народа как фона проявления индивидуальной свободы.

Большевистская революция ещё более укрепила И. А. Ильина в его неприятии гегелевской интерпретации народного духа как богоинспирированного носителя нравственности и свободы, чеканящего образ государственности. Практика свершившейся революции убеждает его в том, что народ может стать жертвой радикальных политических искусителей, ввергнувших его в трагедию разрушения традиционных устоев российской имперской государственности, нуждавшейся, по его мнению, в постепенном и осторожном реформировании в свете

его консервативно-либеральных устремлений. Большевицкая диктатура заставила И. А. Ильина пересмотреть собственные политико-юридические воззрения в консервативно-солидаристском ключе. Ещё до высылки за пределы России он приходит к заключению, что народный дух нуждается в постоянной коррекции со стороны правосознания, носителями которого выступают элитные круги, способные построить корпоративное государство на базе основополагающих ценностей национальной культуры [10, с. 194]. Одновременно в его творчестве вызревает тема возможности насильственного противостояния большевизму, который рисовался ему воплощением зла, «инфицировавшего» народный дух и приведшего к его деградации. Эти моменты его мысли нашли последовательное развитие в период эмиграции. При этом скрытым теоретическим партнёром по полемическому диалогу для него всегда оставался Г. В. Ф. Гегель.

Период эмиграции: новый раунд полемики И. А. Ильина с гегелевскими воззрениями

Находясь в эмиграции после высылки из России в 1922 г., И. А. Ильин продолжает в скрытой форме свою полемику с гегелевским учением о взаимосвязи народного духа и основ государственности, опираясь не только на опыт постреволюционного развития своей Родины, но и на аналитику событий современной ему мировой истории. Совершенно очевидно, что его воззрения претерпевали изменения в свете событийной динамики между двумя мировыми войнами и в последующий послевоенный период, однако в их трансформации можно выделить и основополагающие векторы развития. К ним относятся прежде всего: коррекция собственных общемировоззренческих позиций относительно взаимосвязи человека и Абсолюта; аналитика вопроса о природе социального зла и важности противостояния таковому; рассмотрение кризиса парламентской демократии как тенденции мировой политики и отношение к тоталитаризму и ав-

торитаризму; создание проекта будущего российского государства.

Продолжая линию своих общефилософских размышлений, имеющих непосредственный выход в его штудии социально-политического плана, И. А. Ильин хотя и опирается на спекулятивно-умозрительную методологическую стратегию гегелевской мысли, используя её категориальный аппарат, однако активно прорисовывает контуры собственного мировоззрения. Им последовательно акцентируется восточно-православная религиозная доминанта понимания взаимосвязи человека и Бога, подчёркивается собственная приверженность традиции исихазма [1, с. 75–82]. Настаивая на трансцендентности и непостижимости Абсолюта, И. А. Ильин одновременно прорисовывает достаточно оригинальную экзистенциально окрашенную антропологическую концепцию, которая позволяет понять и его воззрения на «конкретную нравственность» и драматизм политико-государственных событий. Он продолжает характеризовать человека в гегелевском духе как телесное и одновременно душевно-духовное существо, но подчёркивает фундаментальную невещность его бытия, сопряжённого с постоянным свободным волеизъявлением, способностью выбора между добром и злом. Свобода человека при этом характеризуется как связанная с его способностью к трансценденции – самопревосхождению по отношению к неизречимому божественному началу. В силу своей связи с Абсолютом, человек, по И. А. Ильину, обладает религиозным опытом, который предстаёт основой культурного творчества, всегда реально зывающего к неопределённому [5, с. 73]. В своём понимании религиозного акта как основы культурных возможностей человека вне зависимости от его конфессиональной принадлежности и социальных обстоятельств И. А. Ильин весьма близок по характеру постановки проблемы К. Ясперсу, чьи воззрения также сложились в полемике с гегелевскими [7, с. 500].

Находясь в эмиграции, И. А. Ильин сформулировал собственный подход к проблеме противостояния злу, рождаемому в

свободном акте человеческой деятельности, и его видение таковой со всей очевидностью было продиктовано в первую очередь отношением к задаче борьбы с большевизмом [9, с. 303]. Он соглашается с И. Кантом в понимании зла как результата свободного выбора человека, отклоняющегося от линии следования добру. Солидаризируется он и с Г. В. Ф. Гегелем, который, принимая аргумент И. Канта, добавляет, что следование злу является ещё и итогом выбора человека в пользу абстрактного интереса и забвения конкретного – тотальности блага [3, с. 184]. Г. В. Ф. Гегель, однако, вопреки своей аналитике зла не объяснил специфики его вторжения в субстанциальное единство народного духа, политико-государственную сферу. Не дал он и рецепта борьбы со злом, которое, что особенно волновало И. А. Ильина, может влиять на «порчу» народного духа. В полемике с Л. Н. Толстым и его последователями, И. А. Ильин отвергает линию ненасилия по отношению ко злу и провозглашает важность его подавления вооружённой силой, что было расценено многими деятелями русской эмиграции как нехристианская по духу «стратегия меча» и породило раскол мнений среди её представителей [6, с. 9–28]. В этом плане И. А. Ильин говорил о своей последовательной приверженности византийской платформе «симфонического единства» церкви и государства.

Понимание кризиса механизма государственности, характерного для современной ему эпохи, И. А. Ильин развивает на фоне анализа общих тенденций социокультурного развития Запада и России. Его размышления относительно судьбы постренессансной гуманистической культуры во многом созвучны идеям отечественных и западных мыслителей минувшего столетия, обращавшихся к этому сюжету. Современную ему культуру И. А. Ильин именуется «бессердечной» и «лишённой души», вследствие произошедшей в ней тотальной богоутраты и забвения высших духовных ценностей. Он уверен, что «культура без сердца есть не культура, а дурная "цивилизация", созда-

ющая гибельную технику и унижительную, мучительную жизнь» [13, с. 296]. Её признаками он называет культ феноменально данного, стремление к рациональной аналитике такового, убеждение в высшей значимости калькуляции и практико-технического использования явлений реальности, безудержное потребительство, триумф гедонистической этики, поклонение экономическим ценностям, диктатура власти и т. д. В такой атмосфере рождается, по мысли И. А. Ильина, отчуждённый «человек массы», являющийся опорой не только обезличенной машины буржуазного парламентаризма, но и различного рода экстремистских политических режимов.

Рассуждая в эмигрантский период о политической панораме западного мира, И. А. Ильин выступает с яркой критикой парламентской демократии, которая нивелирует проявления индивидуальной гражданской политической свободы и прав человека, превращаясь в обезличенную машину периодического голосования, определяющую конфигурацию соотношения партийных сил в государственном масштабе [12, с. 243–245]. Государство при этом выглядит силой, чуждой «человеку массы» и одновременно на базе партийно-бюрократического механизма диктующей свыше общую ритмику осуществления общественной и индивидуальной жизни. Понятно, что атомизированный «человек массы» никак не в состоянии походить на гегелевского человека-гражданина, органически вписывающегося в целостность народного духа, способного воплощать его. В своём понимании влияния становления массового общества и его эффекта на кризис механизма парламентской демократии И. А. Ильин продолжает линию мысли, сложившуюся уже в сочинениях Ж.-Ж. Руссо и А. де Токвиля. Общая тональность его истолкования кризиса западной парламентской демократии роднит формулируемые им выводы с построениями К. Шмитта.

Кризис парламентской демократии, по И. А. Ильину, постоянно продуцирует попытки прихода к власти левых и правых тоталитарных режимов, предполагающих

опору на неудовлетворённого своим отчуждённым состоянием «человека массы». Подход русского автора к феномену тоталитаризма как сопряжённому с всевластием партии-государства, опирающейся на атомизированного «человека массы», во многом созвучен аналитике этого феномена Х. Арендт, хотя нельзя утверждать о его знакомстве с её произведениями. Эта тематика становится определяющей в творчестве И. А. Ильина после Второй мировой войны, суммируя его достаточно разнообразные размышления по этому сюжету.

И. А. Ильин является последовательным противником русского большевизма, полагая, что именно он наиболее рельефно представляет вариант левого тоталитаризма, возникший на руинах имперской государственности. Большевизм он рассматривает как русскую версию марксизма, которая трактуется им как итог трансформации младогегельянства, воплотившийся в диалектико-материалистическом учении, увенчанном коммунистическим идеалом. И. А. Ильин обнаруживает в теории и практике большевизма недопустимую редукцию человеческого бытия к его сугубо материальной стороне, тотальную манипуляцию личностью со стороны партии-государства, попрание морали, самой способности различения добра и зла, религиозной устремлённости к высшим ценностям, отрицание духовных начал национальной культуры. Большевизм видится И. А. Ильину не только покусившимся на русские духовно-культурные и политико-государственные устои, но представляющим опасность в своей внешней экспансии через деятельность Третьего Интернационала.

Рассуждая о правом тоталитаризме и его угрозе, И. А. Ильин имеет в виду немецкий национал-социализм. Первоначально, до своего переезда из Германии в Швейцарию, мотивированного во многом давлением на него немецких властей за нежелание заниматься национал-социалистической пропагандой, И. А. Ильин отнюдь не искал чреватой по своим возможным последствиям конфронтации с нацистским

режимом. Однако, оказавшись вне нацистской Германии, он выступил незамедлительно с его резким осуждением как диктаторского, приносящего попрание прав человека, базирующегося на расизме и антисемитизме. Тональность его критики нацизма становится ещё более резкой после начала Второй мировой войны и нападения Германии на СССР. Одновременно следует отметить, что на протяжении всей своей жизни он продолжал положительно высказываться о режимах Б. Муссолини, Ф. Франко и А. Салазара, оправдывая их политические практики подавления левых сил [11, с. 86–89].

Полемика с Г. В. Ф. Гегелем по вопросу взаимосвязи народного духа и государства прослеживается в трудах Ильина при обсуждении позитивного идеала будущего развития России. Именно разрушение народной нравственности представляется ему итогом воздействия «большевистского соблазна» на сознание масс, которое надлежит преодолеть в грядущем элите общества для создания должного уровня правосознания как основы новой государственности. Абрис подобной государственности, вдохновлённый, как неоднократно подчёркивал в своих трудах эмигрантского периода И. А. Ильин, идеями Аристотеля и Г. В. Ф. Гегеля, являл собою политическое тело, сплывающее всех принадлежащих ему индивидов, на основе цели достижения общего блага и воспитания гражданских добродетелей.

В свете такого рода идеала И. А. Ильин полагал возможным создать новую корпоративистски-солидаристскую государственность, способную осуществить усилиями «аристократии духа» перевоспитание советского «человека массы», оторванного, по его мнению, от начал национальной культуры, патриотизма и религиозно-нравственных ценностей [16, с. 98–104]. При построении своего видения будущности посткоммунистической России И. А. Ильин следовал платформе корпоративистски надпартийного солидаризма, которая была весьма популярна в период между двумя мировыми войнами

среди представителей правых и левых некоммунистических сил. Она предполагала поиск идеологии «третьего пути», отличного от капитализма и коммунизма, на основе которой возможно единение интересов предпринимателей, интеллектуалов-специалистов и рабочих в рамках корпоративных организаций во имя процветания национального государства. И. А. Ильин полагал, что грядущая национально-патриотическая диктатура «аристократии духа», являясь необходимой стадией движения к зрелой форме российской государственности, предполагает единство корпоративного солидаризма и чёткой работы управленческих учреждений. Хотя он допускал возможность укоренения на российской почве различных форм государственности, но предпочтительной, способной обеспечить расцвет национальной культуры и прав гражданина, ему рисовалась конституционная монархия.

Заключение

Политико-правовое мировоззрение И. А. Ильина на протяжении его академической карьеры эволюционировало в полемическом диалоге с гегелевским учением. Сам тип его аналитики наследия Г. В. Ф. Гегеля в целом, равно как и его трактовки вопросов политико-правового характера, существенно видоизменялся в различные периоды его деятельности – на российском этапе становления его воззрений, до насильственной высылки за рубеж, и во время его пребывания в эмиграции, сначала в Германии, а затем в Швейцарии. Наряду с критикой гегелевского наследия, И. А. Ильин неустанно акцентировал свою приверженность спекулятивно-умозрительной стратегии философствования немецкого мыслителя, стремление «философствовать вместе с Гегелем». Это обстоятельство рельефно прослеживается в осмыслении им гегелевского учения о взаимосвязи народного духа и оснований государственности.

В российский период деятельности сложились базовые теоретические основания

критического восприятия И. А. Ильиным воззрений Г. В. Ф. Гегеля на соотношение народного духа и государственности. Наряду с аргументированной полемикой против гегелевской доктрины «страдающего Бога», опирающейся на платформу пантеизма, панлогизма и ригидного системного теоретизирования, он отверг субстанциалистский способ интерпретации общественной жизни и истории, утверждая невозможность поглощения «конкретной нравственности» индивидуальных актов волеизъявления человека целостностью народного духа, который является носителем свободы и определяет основание государственности. «Порча» народного духа леворадикальными искусствителями в ходе большевистской революции укрепила И. А. Ильина в том его убеждении, что непрестанный прогресс в осознании свободы в истории – не более, чем иллюзия.

Находясь в эмиграции, И. А. Ильин продолжил полемику с гегелевской концепцией взаимосвязи народного духа и государства в процессе осмысления взаимосвязи трансцендентного Абсолюта и экзистенциального выбора субъекта, полярности противостояния добра и зла в конкретной ткани событий истории, кризиса европейской постренессансной гуманистической культуры, приведшего в итоге к становлению массового общества, деградации на этом фоне парламентской демократии и появлению тоталитарных режимов левого и правого толка. Размышляя о постбольшевистском будущем России, он вынашивал идею «коррекции» народной нравственности на базе диктатуры «аристократии духа», внедряющей в массы в границах корпоративно-солидаристской государственности необходимые начала правосознания, утраченные религиозные и культурно-национальные ценности. Такого рода работа представлялась ему прологом к новой постбольшевистской государственности, в идеале рисовавшейся ему как конституционно-монархической.

Статья поступила в редакцию 22.09.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарева Я. В. Антропологические основы русской религиозной философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 1. С. 75–82.
2. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14 т. Т. 8: Философия истории / пер. А. М. Водена. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. 470 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. Я. Г. Столлнера, М. И. Левиной. М.: Мысль, 1990. 524 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 3 / пер. с нем.; отв. ред. Е. П. Ситковский. М.: Мысль, 1977. 471 с.
5. Грякалов А. А. Неопределённость и неопределённое: проекции субъективности // Неопределённость как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика / под ред. К. Вульфа, В. Савчука. СПб.: Изд-во РХГА, 2013. С. 58–78.
6. Евлампиев И. И. Иван Ильин как участник современных дискуссий // Иван Александрович Ильин / отв. ред. И. И. Евлампиев. М.: РОССПЭН, 2014. С. 9–28.
7. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. Исследование: в 2 т. Т. 1. М.: Рарог, 1993. 608 с.
8. Ильин И. А. О возрождении гегелианства // Ильин И. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Медиум, 1993. С. 46–53.
9. Ильин А. А. О сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Медиум, 1993. С. 301–479.
10. Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Медиум, 1993. С. 73–300.
11. Ильин И. А. О фашизме // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 86–89.
12. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Медиум, 1994. С. 73–302.
13. Ильин И. А. Путь к очевидности // Ильин И. А. Путь к очевидности: сборник. М.: Республика, 1993. С. 290–403.
14. Ильин И. А. Тезисы к диссертации Ильина на тему «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» // Ильин И. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Медиум, 1993. С. 70–72.
15. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: Наука, 1994. 541 с.
16. Ильин И. А. Что есть государство – корпорация или учреждение? // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 98–104.
17. Полторацкий Н. П. И. А. Ильин // Русская религиозно-философская мысль XX века: сборник статей / под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург: Питтсбургский университет, 1975. С. 240–250.

REFERENCES

1. Bondareva Ya. V. [Anthropological Foundations of Russian Religious Philosophy]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2017, no. 1, pp. 75–82.
2. Hegel G. W. F. *Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte* (Rus. ed.: Voden A. M., transl. *Sochineniya. T. 8: Filosofiya istorii* [Essays. Vol. 8: Philosophy of History]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 1935. 470 p.).
3. Hegel G. W. F. *Grundlinien der Philosophie des Rechts* (Rus. ed.: Stolpner Ya. G., Levina M. I., transl. *Filosofiya prava*. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 524 p.).
4. Hegel G. W. F. *Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse* (Rus. ed.: Sitkovsky E. P., ed. *Enciklopediya filosofskih nauk. T. 3* [Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 3]. Moscow, Mysl', 1977. 471 p.).
5. Gryakalov A. A. [Uncertainty and the Undefined: Projections of Subjectivity]. In: Vul'f K., Savchuck V. eds. *Neopredelyonnost' kak vyzov. Media. Antropologiya. Estetika* [Uncertainty as a Challenge. Media. Anthropology. Aesthetics]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2013, pp. 58–78.
6. Evlampiev I. I. [Ivan Ilyin as a Participant in Contemporary Discussions]. In: Evlampiev I. I., ed. *Ivan Aleksandrovich Ilyin* [Ivan Ilyin]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2014, pp. 9–28.
7. Ilyin I. A. *Aksiomy religioznogo opyta. Issledovanie. T. 1* [Axioms of Religious Experience. Research. Vol. 1]. Moscow, Rarog Publ., 1993. 608 p.
8. Ilyin I. A. [On the Revival of Hegelianism]. In: Ilyin I. A. *Sochineniya. T. 1* [Essays. Vol. 1]. Moscow, Medium Publ., 1993, pp. 46–53.

9. Ilyin A. A. [On Resistance to Evil by Force]. In: Ilyin I. A. *Sochineniya. T. 1* [Essays. Vol. 1]. Moscow, Medium Publ., 1993, pp. 301–479.
10. Ilyin I. A. [On the Essence of Legal Consciousness]. In: Ilyin I. A. *Sochineniya. T. 1* [Essays. Vol. 1]. Moscow, Medium Publ., 1993, pp. 73–300.
11. Ilyin I. A. [On Fascism]. In: Ilyin I. A. *Sobranie sochinenij. T. 2. Kn. 1* [Collection of Essays. Vol. 2. Pt. 1]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1993, pp. 86–89.
12. Ilyin I. A. [The Path of Spiritual Renewal]. In: Ilyin I. A. *Sochineniya. T. 2* [Essays. Vol. 1]. Moscow, Medium Publ., 1994, pp. 73–302.
13. Ilyin I. A. [The Path to the Obvious]. In: Ilyin I. A. *Put' k ochevidnosti: sbornik* [The Path to the Obvious: Collection of Works]. Moscow, Respublika Publ., 1993, pp. 290–403.
14. Ilyin I. A. [Abstracts of Ilyin's Dissertation on the Topic "Hegel's Philosophy as a Doctrine of the Concreteness of God and Man"]. In: Ilyin I. A. *Sochineniya. T. 1* [Essays. Vol. 1]. Moscow, Medium Publ., 1993, pp. 70–72.
15. Ilyin I. A. *Filosofiya Gegelya kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka* [Hegel's Philosophy as the Doctrine of the Concreteness of God and Man]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 541 p.
16. Ilyin I. A. [What is the State – A Corporation or an Institution?]. In: Ilyin I. A. *Sobranie sochinenij. T. 2. Kn. 1* [Collection of Essays. Vol. 2. Pt. 1]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1993, pp. 98–104.
17. Poltoracky N. P. [I. A. Ilyin]. In: Poltoracky N. P., ed. *Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' XX veka* [Russian Religious and Philosophical Thought of the 20th century]. Pittsburg, Pittsburg's University Publ., 1975, pp. 240–250.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Малинин Сергей Алексеевич – преподаватель Российского государственного социального университета;

e-mail: duks91189@gmail.com

Губман Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета;

e-mail: gubman@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey A. Malinin – Lecturer, Russian State Social University;

e-mail: duks91189@gmail.com

Boris L. Gubman – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department, Department of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University;

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Малинин С. А., Губман Б. Л. И. А. Ильин и Г. В. Ф. Гегель: народный дух и устои государства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 4. С. 107–116.

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-4-107-116

FOR CITATION

Malinin S. A., Gubman B. L. I. A. Ilyin and G. W. F. Hegel: The National Spirit and the Foundations of the State. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no. 4, pp. 107–116.

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-4-107-116